

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

УДК 398.2;394.011

МОНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (по материалам исторических анекдотов)

Статья 2*

А.А. Демичев

Нижегородская академия МВД России
aadem@bk.ru

Статья посвящена выявлению особенностей общественного сознания российских подданных XVIII – первой половины XIX в. на основе комплекса исторических анекдотов. В работе делаются следующие выводы: 1) восприятие монарха в качестве «Батюшки-царя» («Матушки-императрицы») требовало от него терпимости к своим «детям». Это касалось и тех случаев, когда «неразумные» подданные наносили оскорбление правителю. Император в общественном сознании воспринимался как человек, стоящий выше личных оскорблений; 2) одним из достоинств государя являлась его честность. Однако при этом монарх должен быть снисходителен к воровству своих подданных. Судя по анекдотам, российские императоры XVIII – первой половины XIX в. прекрасно знали про остро стоящую проблему воровства в стране, однако воспринимали ее как проявление особенностей национальной психологии. Борьба же с народом – невозможно и бессмысленно. Такая «слабость» высшей власти осознавалась рассказчиками и слушателями анекдотов, однако ставилась ей, скорее, в заслугу, чем характеризовала с негативной стороны. Автор характеризует общественное сознание россиян изучаемого периода как монархическое, в рамках которого сформировался образ «идеального монарха».

Ключевые слова: общественное сознание, менталитет, исторический анекдот, «идеальный монарх», преступления.

* Статья является второй (и завершающей) из цикла работ, посвященных изучению российской ментальности, российского общественного сознания на основе изучения комплекса исторических анекдотов XVIII – первой половины XIX в. Первая опубликована в «Идеи и идеалы», 2014, № 1(19), т. 1, с. 115–126.

MONARCHICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SUBJECTS IN THE 18TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (on materials of historical anecdotes)

Article 2

A.A. Demichev

Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
Nizhniy Novgorod

aadem@bk.ru

The article is devoted to revelation of public consciousness of Russian subjects in the 18th – the first half of the 19th century on the basis of an anecdotes complex. In the work are the following conclusions: 1) the perception of the monarch as “Father – king” (“Mother – Empress”) demanded tolerance to the “children”. This applies to those cases in which “ignorant” subjects insult of the monarch. In public consciousness the emperor was perceived as the person who stands above personal insults; 2) one of the virtues of the Emperor was his honesty. However, thus the monarch had to be tolerant to theft by his subjects. Judging by the anecdotes, the Russian emperors of XVIII – the first half of the XIX century perfectly knew about the acute the problem of theft in the country, however, perceived it as a manifestation of the features of national psychology. To fight against their own people was impossible and senseless. Storytellers and listeners of authorities knew about this «weakness» of the higher authority, but considered it an advantage, instead of a shortcoming. The author characterizes the public consciousness of the Russians of the studied period as monarchical, in which the formed image of the “ideal monarch”.

Key words: public consciousness, mentality, historical anecdote, “Ideal monarch”, crimes.

Цель настоящего исследования заключается в установлении представлений подданных Российской империи об императорах как «идеальных правителях» в контексте их отношения к преступлениям.

Нормальным явлением не только в российской, но и мировой практике была амнистия или помилование заключенных. Взойдя на престол, Александр I не стал выходить за рамки традиций и помиловал большое количество заключенных в Петропавловской крепости.

Анекдот № 1

При восшествии императора Александра [I] на престол все лица, заключенные в предшествовавшее царствование в Петропавловскую крепость, были освобождены. Один из арестантов, оставляя каземат, написал над дверями: «Свободен от постоя». Об этом донесли государю. Он улыбнулся и

заметил, что следовало бы прибавить к надписи слово «навсегда» [7, с. 51].

Приведенный анекдот свидетельствует о том, что освобождение заключенных из Петропавловской крепости запечатлелось в общественном сознании. Показательно, что, массово амнистируя заключенных, Александр I не дает им абсолютной индульгенции. Хотя он и говорит с улыбкой, что «следовало бы прибавить к надписи слово “навсегда”, тем не менее он вполне серьезен. И слушателям анекдота это понятно. Ведь справедливый правитель должен быть не только добрым, но и строгим.

Образ «доброего» монарха предполагает не только помилование и освобождение от наказания, но в ряде случаев и само наказание либо подтверждение его правомерности. Первую ситуацию мы видим в анекдоте № 2.

Анекдот № 2

Великий государь, ненавидя крайне ябедников, издал закон: кто на правого бьет челом и то същется, то поступить с челобитчиком так, чему бы достоин был ответчик, ежели бы оказался он виновным <...>.

Один московский купец бил челом на соседа, что корова его, ворвавшись к нему в огород, поела его капусту и причинила ему убытку на 300 рублей, и просил убыток сей взыскать с него. И как его величество в сие время находился в Москве, то и не сокрылась от него таковая ябеда. Он приказал суду тому свидетельствовать в городе его, сколько поедено капусты и причинено ему убытку, и поелику не могло уже быть пристрастное свидетельство, то найдено, что капусты поедено (в чем и весь убыток тот состоял) не больше как рубли на три. Донесено о сем государю, и монарх повелел с бессовестного сего просителя взыскать 300 рублей и отдать оные ответчику, соседу его, а сверх того взыскать с него же в казну 3000 рублей и употребить оные на построение мундиров солдатам Преображенского полку. А дабы коварный проситель и все московское купечество такового решения не забыли, повелел впредь писаться ему Капустиным. [4, № 113].

Что касается подтверждения справедливости наказания, то в этом плане характерен анекдот № 3.

Анекдот № 3

Известно, коликую трудность имел великий государь [Петр I] довести городовых дворян своих до того, чтоб добровольно отдавали детей своих в службу.

Одна дворянка вдова, быв принуждена строгостию указов разлучиться с считающимся в недорослях осмнатцатилетним любезным сыном своим, привезя его в Петербург, записала в Ингермаландской полк в солдаты.

Пред несколькими же пред тем годами, сего же вдовую отдан был в солдаты дворовой ее чело-

век по имени Иван; сей, научая в службе грамоте, проворством и расторопностию своею скоро дослужился в сем же самом полку до сержантов, и прежний его барин, помянутый недоросль, сделался по команде от него зависящим. Но городской дворянин мнил, что сержант его все еще тот же Ванька, которой был и прежде, и что потому не может он им повелевать; сие было причиною, что не хотел он исполнять приказов его. Сержант за ослушание жестоко наказал его палкою, а он разжаловался матушке своей, что Ванька больно прибил его.

Мать сия взвыла и мнила найти на Ваньку сего управу у государя, она со слезами просит у монарха на Ваньку управы, объяснялся, что он, быв слугою, прибил своего господина не на живот, а на смерть.

Монарх, разспрося ее, кто тот Ванька и кто сын ее, и узнав, что Ванька сержант, а сын ее солдат, приказал обоих их к себе представить, и спрашивает сержанта, за что он бил сына сей старухи. «За непослушание, — отвечает сержант, — я приказывал ему быть в четвертом часу к ученью, а он, преслушав, не пришел. Я, — заключает сержант, — велел его привести силою и наказал как ослушника». Государь, быв на то время весел и ободря его мановением, спросил: «Да как ты его бил?»

Сержант, поняв намерение государя, поставя его в позитуру, дал ему еще несколько ударов палкою, приговаривая: «Не ослушайся, не ослушайся! Вот так я бил его, государь!» Мать завывла, а монарх сказал: «Видишь, старуха, какой Ванька-то твой озорник, что и в моем присутствии не унижается, я советую тебе поскорее отойти, дабы и тебе самой чего от него не досталось; вить за непослушание везде бьют» [4, № 62].

Отметим, что итог и истории № 2 и истории № 3 представляется справедливым с точки зрения их рассказчиков и слушателей. В обеих ситуациях были поданы необоснованные челобитные. И, естественно, они не были удовлетворены. Только в

первом случае это произошло по причине корыстности истца и его желания, воспользовавшись ситуацией, получить намного больше, чем полагалось бы по закону, а во втором – из-за нарушения служебной дисциплины и желания матери наказать «обидчика» ее проштрафившегося сына. Более того, Петр I специфическим образом усиливает наказание, прося сообразительно сержанта продемонстрировать, как тот бил провинившегося. При этом изначальное сословное различие сержанта (бывшего дворового человека) и солдата (дворянина) значения не имеет. Здесь мы видим, как в общественном сознании отобразился реализованный в «Табели о рангах» и других документах момент перехода к назначениям на должности не за происхождение, а за личные заслуги.

Отличительной особенностью монарха является то, что он заботится не о своих личных интересах, а обо всей стране, всем ее народе. Более того, в российской ментальности, как следует из анекдотов, императоры – чуть ли не единственные честные люди во всей Российской империи (анекдоты № 4, 5, 6, 7).

Анекдот № 4

Императрица [Екатерина II], узнав, что государь [Петр II] ночью беспокоился и мало почивал, на другой день спрашивала его о причине, на что он ей отвечал:

– Ах, Катенька, какой сон начальнику, когда судьи его спят [10, № 29].

Анекдот № 5

Царь Петр Великий, заседая однажды в Сенате, услышал о разных грабительствах, случившихся за несколько дней, в великое пришел негодование и во гневе сказал сии слова: «Клянусь Богом, что я наконец превру проклятое сие воровство». Потом, взянув на тогдашнего генерал-

прокурора Павла Ивановича Ягужинского, сказал ему: «Павел Иванович! Напиши сей час от моего имени генеральный указ во все государство, что ежели кто и столько украдет, чего будет стоить петля, тот без дальних допросов будет повешен». Генерал-прокурор, которой уже взял в руки перо, помешкал еще по выслушании сего строгого повеления и со удивлением говорил царю: «Петр Алексеевич! Помысли о следствиях такого указа». «Пиши, – подтвердил царь, – как я тебе сказал». Ягужинский, еще не писав, со смехом повторил монарху: «Всемилостивейший государь! Разве вы хотите остаться императором без подданных. Мы все ворует, только с тем различием, что один более другого». Царь, слушавший сии слова в задумчивости, начал шуточному сему замыслу смеяться и без дальнего повеления оное оставил [12, № 47].

Анекдот № 6

Во время Крымской войны государь [Николай I], возмущенный вступо обнаружившимся хищением, в разговоре с наследником [будущим Александром II] выразился так:

– Мне кажется, что во всей России только ты да я не ворует [2, т. 4, с. 623].

Анекдот № 7

Берлинскому художнику Францу Крюгеру за отлично написанный портрет Николай I велел подарить золотые часы, усыпанные бриллиантами.

Однако чиновники дворцового ведомства принесли Крюгеру золотые часы, на которых не было ни одного бриллианта.

Вскоре каким-то образом Николай узнал о самочинстве своих сановников.

При встрече император сказал художнику:

– Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь [6, с. 7].

Так, бессонница Петра I и его переживания в анекдоте № 4 объясняются тем, что он не может доверять никому («*Ах, Катенька, какой сон начальнику, когда судьи его спят*»). В принципе исторические факты свидетельствуют, что Петр I часто действовал по принципу «*Хочешь, чтобы было сделано хорошо – делай сам!*». Однако в масштабах государства реализация этого принципа невозможна. Любые идеалистические представления разбиваются о реалии жизни. Ярким подтверждением этому является анекдот № 5. Эта история свидетельствует, что в эпоху Петровских преобразований воровство не только имело место, но с ним пытались активно бороться, в том числе и на высшем государственном уровне. Петр I лично «слушал» дела такого рода в Сенате, и они вызывали у него справедливое негодование. Импульсивный правитель требует ввести жесткие меры по отношению к ворами (вешать всех, кто украдет на сумму больше стоимости веревки). Однако более реалистично мыслящий генерал-прокурор П.И. Ягужинский в шуточной форме переубеждает царя. А ведь, по сути, из уст высшего сановника прозвучало, конечно, не собственное признание в кражах, но констатация факта массового воровства среди чиновничества.

И каков же в итоге получился результат праведного порыва правителя? Никакой! Петр I принял аргументы генерал-прокурора, рассмеялся, замолчал и больше не ставил вопрос подобным образом, борясь в дальнейшем с отдельными преступниками, но не с системой в целом. Вероятно, выходом из ситуации он видел назначение на государственные должности честных, достойных, справедливых людей.

Петру нужны были надежные, честные люди, в том числе чиновники, судьи и про-

куроры, «*которые не спят*». Таковых Петр I находил по всей стране во время своих многочисленных поездок. Подтверждает это анекдот № 8.

Анекдот № 8

Великий государь [Петр I] посещал часто и нечаянно города, когда граждане отнюдь его и не ожидали, и для сего употреблял на поездки свои самые простые экипажи и малую свиту. В один из таковых приездов прибыл монарх в Олонец, прямо пошел в воеводскую канцелярию и застал в оной воеводу, украшенного сединами, простосердечием и непорочностию, как из следующего то явно.

Его величество спросил его, какая есть в канцелярии челобитчиных дела? Воевода в страхе повергается в ноги государю и дрожащим голосом говорит: «Виноват, всемиловитивейший государь, никаких нет».

– Как никаких? – вопрошает паки монарх.

– Никаких, надежда государь, – со слезами повторяет воевода. – Виноват, государь, я никаких челобитен таких не принимаю и до канцелярии не допускаю, а всех таковых соглашаю на мир, и следов ссорных не оставляю в канцелярии.

Удивился монарх таковой вине, он поднял стоящего воеводу на колени, поцеловал его в голову и сказал: «Я бы желал и всех воевод видеть столь же виноватых, как ты, продолжай, друг мой, таковое служение; Бог и я тебя не оставляю».

Чрез некое же время, приметив он в Адмиралтейской коллегии между членами, а паче между господами Чернышевым и Крейцом несогласие, послал указ к воеводе оному, чтоб был к нему в Петербург, и по прибытии определил его прокурором в коллегию, сказав: «Старик! Я желаю, чтоб ты и здесь был столь же виноват, как и в Олонце, и, не принимая никаких ссорных объяснений от членов, мирил их. Ты ничем столько не послужишь мне, ежели поселишь между ими мир и согласие». [4, № 79].

В приведенном анекдоте мы видим, что олонецкий воевода явно понравился Петру I и в конечном итоге был приглашен в Петербург. Что же так привлекло правителя? По нашему мнению, здесь несколько моментов.

Во-первых, учитывая нелюбовь Петра к «ябедникам», ему был удивителен и приятен сам факт отсутствия челобитных в канцелярии. Во-вторых, император доволен тем, что воевода трепещет перед ним (как известно, Петр весьма благосклонно относился к тем, кто каялся перед ним, признавая свою вину). Наконец, в-третьих, самое главное, монарха радует названная причина отсутствия челобитных – умение воеводы примирить всех спорщиков.

На самом-то деле, скорее всего, воевода просто не принимал челобитные, чтобы «не возиться» с ними. Этим и объясняется его первоначальный испуг перед царем. Однако в фольклорной традиции акцент сделан не на этом.

Честность монарха на фоне повсеместного воровства и бессилия власти что-либо с этим сделать явно прослеживаются в анекдотах № 6 и 7. В первом из них Николай I с горечью обращается к сыну: *«Мне кажется, что во всей России только ты да я не ворует»*. Видно, что Николая I волнует ситуация в стране, он искренне переживает за происходящее, но при этом ничего не может сделать и не пытается предпринять какие-то практические шаги в этом направлении. Те же боль и бессилие звучат в словах Николая I немецкому художнику Ф. Крюгеру (анекдот № 7). При этом очевидна схожесть звучания с анекдотом № 5. Там П.И. Ягужинский спрашивает Петра I: *«Разве вы хотите остаться императором без подданных?»*, а в анекдоте № 7 Николай I сам говорит

Ф. Крюгеру: *«Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь»*.

В этом анекдоте, так же как и в анекдоте № 6, император высказывает мысль, что в России воруют практически все, за исключением его самого да еще немногих людей. И сделать при этом ничего невозможно – всех не пересажаешь. Получается, что бороться с воровством значит бороться с собственным народом. А с народом (и это Николай I прекрасно понимает) бороться невозможно.

Когда одного из известных российских государственных деятелей XIX в. спросили: «Как Вы можете охарактеризовать положение дел в России?», он ответил одним-единственным словом: «Воруют». Воровство, в том числе и в гигантских масштабах, конечно, не является «привилегией» россиян, однако в нашей стране исторически сложилось весьма специфическое отношение к этому преступному деянию. Кража уже в течение многих веков стала обыденным явлением, своеобразным элементом повседневной жизни. Именно в этом отношении и состоит одно из отличий российского менталитета от менталитета населения других стран. Однако в рамках данной статьи нас интересует не столько отношение населения к воровству, а то, как в представлениях этого самого населения монарх относился или должен был относиться к этому явлению.

Ранее мы уже выяснили, что честность самих императоров у авторов и рассказчиков анекдотов не вызывала сомнения. В то же время, сами будучи людьми честными, они видели массовое воровство в стране, но реально ничего сделать не могли.

До нас дошло несколько анекдотов, раскрывающих отношение Екатерины II к воровству (анекдоты № 9–14).

Анекдот № 9

Екатерина [II] знала, что низшие чины и вся придворная прислуга пользовались nepозволительной поживой, особенно в съестном и напитках. Она даже нередко видала своими глазами, во время утренних прогулок, как служители ее тащили из дворца огромные подносы, нагруженные всякой всячиной, и однажды сказала М.С. Перекусихиной:

– Хоть бы фарфор мой сберегли!

А в другой раз, столкнувшись, так сказать, с этими подносами, сказала несиим их:

– Ну, беда вам будет, если увидит это Горсуков [гофмаршал]!

– Спит еще, матушка-государыня! – был их ответ [5, с. 41–425].

Анекдот № 10

Гуляя по саду, императрица [Екатерина II] заметила, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах персики, ананасы и виноград. Чтобы не встречаться с ними, Екатерина повернула в сторону, сказав окружающим:

– Хоть бы блюда мне оставили! [3, ч. 2, с. 157].

Анекдот № 11

Смотря в окно из Эрмитажа, Екатерина [II] заметила, что из кухни отважные шалуны раннего порою нагружали на телегу съестные припасы, надеясь, что в такое время шалость сойдет им с рук. У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные.

Екатерина тотчас послала сказать: «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет».

Такой урок стоит наказания [8, с. 25].

Анекдот № 12

Однажды в Царском Селе императрица [Екатерина II], проснувшись ранее обыкновенного,

вышла на дворцовую галерею подышать свежим воздухом и увидела у подъезда нескольких придворных служителей, которые поспешно нагружали телегу казенными съестными припасами. Екатерина долго смотрела на эту работу, не замечаемая служителями, наконец, крикнула, чтобы кто-нибудь из них подошел к ней. Воры оторопели и не знали, что делать. Императрица повторила зов, и тогда один из служителей явился к ней в величайшем смущении и страхе.

– Что вы делаете? – спросила Екатерина. – Вы, кажется, нагружаете вашу телегу казенными припасами?

– Виноваты, Ваше Величество, – отвечал служитель, падая перед ней в ноги.

– Чтобы это было в последний раз, – сказала императрица, – а теперь уезжайте скорее, иначе вас увидит обер-гофмаршал, и вам жестоко достанется от него [9, с. 14].

Анекдот № 13

На звон колокольчика Екатерины [II] никто не явился из ее прислуги. Она идет из кабинета в уборную и далее, и, наконец, в одной из задних комнат видит, что истопник усердно увязывает толстый узел. Увидев императрицу, он оробел и упал на колене.

– Что такое? – спросила она.

– Простите меня, Ваше Величество.

– Да что же такое ты сделал?

– Да вот, матушка-государыня, чемодан-то набил всяким добром из дворца Вашего Величества. Тут есть и жаркое, и пирожные, несколько бутылочек пивца и несколько фунтиков конфет для моих ребятишек. Я отдежурил мою неделю и теперь отправляюсь домой.

– Да где ж ты хочешь выйти?

– Да вот здесь, по этой лестнице.

– Нет, здесь не ходи, тут встретит тебя обер-гофмаршал [Григорий Николаевич Орлов], и я боюсь, что детям твоим ничего не достанется. Возьми-ка свой узел и иди за мною.

Она вывела его через залы на другую лестницу и сама отворила дверь:

– Ну, теперь с Богом! [11, с. 69].

Анекдот № 14

Однажды императрица [Екатерина II], пробежав представленные ей отчеты дворских расходов, увидела в них между прочим, что пудры для ее головы ежедневно выходит целый пуд. Она улыбнулась и вот что сделала: на другой день по окончании туалета вышла в приемную залу молча, поддерживая свою голову рукою – придворные дамы, ожидавшие ее в этой зале встревожились, и полагая, что это головная боль, шепнули одной фрейлине, милой и веселой, которую государыня любила, чтобы она постаралась как-нибудь развеселить ее. Эта, после разных умных и веселых приветствий, обласканная уже державною рукою безмолвной государыни, осмелилась излить свое сетование о нездоровье повелительницы всей России.

– Нет, моя милая, – сказала, наконец, императрица, – я, слава Богу, здорова, но посуды, каково мне: ведь целый пуд пудры мне посыпали на голову [11, с. 42–43].

Это был последний пуд. С этих пор он никогда не встречался в придворных отчетах.

Судя по текстам анекдотов № 9–14, при Екатерине II воровство имело место даже в царском дворце. Причем воровали и придворные, и прислуга. Императрица об этом знала, но ничего не могла сделать.

Анекдоты № 9 и 10 основываются на одних и тех же, по-видимому многочисленных, фактах. Для нас представляет интерес реакция Екатерины. Императрица не пылает гневом, не пытается наказать виновных, хотя факт воровства ей очень неприятен (не зря она сворачивает в сторону, не желая встречаться с этими людьми!). Возможно, над ней довлел сформировавшийся образ доброй Матушки-императрицы (кроме того, как-никак она – женщина), но, скорее

всего, ее мягкость и спокойное, с юмором, отношение к происходящему обуславливались бессилием что-либо изменить.

В анекдоте № 11, так же как и в анекдоте № 9, мы вновь сталкиваемся с констатацией специфической заботы Екатерины о подданных («Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!», «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, вам худо будет»). Такое отношение можно рассматривать не только как попустительство, но и как потакание воровству. Екатерина рассматривала воровство из своего дворца как «шалость», а ворышек – как «шалунов».

Очень показательны в анекдоте № 11 отношение его авторов и рассказчиков к реакции императрицы на происходящее: «У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные». Другими словами, Екатерина должна была укладываться и укладывалась в такую концепцию восприятия монарха подданными.

Сюжет со «злым» обер-гофмаршалом и «доброй» императрицей вновь повторяется в анекдотах № 12 и 13.

Стоит отметить, что не во всех случаях Екатерина II игнорировала происходящие кражи. Так, в анекдоте № 12 она не выдерживает и требует ответа от воров. Однако, несмотря на «Чтобы это было в последний раз!», преступники уходят безнаказанными, более того – с воспоминанием о доброй повелительнице и осознанием, что воровать можно и дальше.

Подобное ощущение складывается и при прочтении анекдота № 13. Однако в этой истории Екатерина II заходит еще дальше, чем во всех предыдущих: она не игнорирует воришку, не делает ему назиданий, а содействует преступнику, выводя его из дворца безопасным для него путем. Данный поступок императрицы, конечно,

не мог не вызвать одобрения простой публики, заставляя население восторгаться тем, какая у них замечательная правительница, пекущаяся о благе своих подданных. Конечно, заработанный таким образом авторитет, по нашему мнению, весьма сомнителен, однако в фольклорной традиции подобного рода сюжеты были популярны. И обуславливалось это тем, что в них Екатерина II соответствовала народным представлениям о «добром» и «милосердном» монархе.

Ради справедливости следует отметить, что не во всех случаях Екатерина II спокойно относилась к воровству. В анекдоте № 14 мы встречаемся с несколько иной ее реакцией. Как мы видим из приведенного анекдота, Екатерина II не стала терпеть кражу. Возможно, здесь имел значение объект воровства – пудра, которая являлась важным элементом «наведения женской красоты» в то время. И здесь сыграли роль гендерные аспекты – женщина-императрица не стала мириться с посягательством на свою косметику. В данном случае «урок» Екатерины привел к положительному результату – воровство пудры подобным способом прекратилось, но виновные опять-таки не были наказаны и порочная система не была сломана.

Некоторые анекдоты (№ 15–17) позволяют взглянуть на образ государя в представлении российского населения под необычным углом.

Анекдот № 15

Рылеев, тогдашний с-петербургский обер-полицеймейстер, по окончании своего доклада о делах доносил императрице [Екатерине II], что он перехватил бумагу, в которой один молодой человек поносил имя Ее Величества.

– Подайте мне бумагу, – говорит она.

– Не могу, государыня, в ней такие выражения, которые и меня приводят в краску.

– Подайте, говорю я, – чего не может читать женщина, должна читать императрица.

Развернула, читает бумагу; румянец выступает на ее лице, она ходит по зале, и гнев ее постепенно разгорается.

– Меня ли, ничтожный, дерзает так оскорблять? Разве он не знает, что его ждет, если я предаю его власти законов?

Она продолжает ходить и говорить подобным образом, наконец утихла. Рылеев осмелился прервать молчание.

– Какое будет решение Вашего Величества?

– Вот мое решение! – сказала она и бросила бумаги в огонь [5, с. 13, 14].

Анекдот № 16

Однажды министр юстиции И.П. Дмитриев, являясь с докладом к императору Александру II, представил ему дело об оскорблении величества. Государь, отстранив рукою бумаги, сказал:

– Ведь ты знаешь, Иван Иванович, что я этого рода дела никогда не слушаю. Простить, и кончено. Что же над ними терять время.

– Государь, – отвечал Дмитриев, – в этом деле есть обстоятельства довольно важные, дозволяйте хоть их доложить отдельно.

Александр, помолчав и подумав немного, возразил:

– Нет, Иван Иванович, чем важнее такого рода дела, тем меньше хочу их знать. Тебя это, может быть, удивляет, но я тебе объясню. Может случиться, что я как император все-таки прощу, но как человек буду сохранять злобу, а я этого не хочу. Даже при таких делах впредь не говори мне никогда и имени оскорбителя, а говори просто: «Дело об оскорблении величества», потому что я хотя и прощу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это нехорошо. [5, с. 76, 77].

Анекдот № 17

Однажды императору [Николаю I] доложили, что в каком-то городе, в питейном доме, сапожник Яков Пахомов, будучи пьяным чуть ли не до беспамяත්ства, совершил тяжелое преступление, плюнув на портрет государя, причем разразился страшной бранью по адресу Его Величества.

За такое оскорбление величества по закону полагалось очень суровое наказание, но о каждом подобном случае еще со времени Петра Великого доводилось до сведения государя.

В докладе было упомянуто, что преступник арестован и содержится в секретной канцелярии с кандалами на руках и ногах.

Николай написал следующее решение: «Освободить его немедленно и сказать ему, что как он плюет на мой портрет, так я плюю на пьяницу Яшку Пахомова, да советую ему поменьше пьянствовать, потому что сделай он это же с портретом своего станового или городничего, ему это так дешево не обошлось бы» [1, с. 38].

Сам факт оскорблений российских монархов, правивших в разное время (Екатерина II, Александр I, Николай I), свидетельствует о неоднозначном отношении к ним народа как персонально, так и к царской власти в целом. В принципе, негативное отношение к тем, кто находится на вершине государственной машины, – явление абсолютно нормальное, характерное для всех стран и исторических периодов.

Оскорбление Императорского Величества входило в Российской империи в категорию государственных преступлений, и за это деяние полагались каторжные работы. Однако, судя по дошедшим до нас анекдотам, результат рассмотрения такого рода дел разными российскими правителями был одним – виновные оставались безнаказанными. Конечно, в реальности все обстояло далеко не так. Однако именно в народном сознании монарх оказывался выше

оскорблений, нанесенных ему «неразумными» подданными. И Екатерина II, и Александр I, и Николай I оставляют виновных в их оскорблении безнаказанными. Правда, реакция у них разная: Екатерина бросает документ в огонь, Николай демонстрирует свое пренебрежение к оскорбившему его сапожнику, Александр аргументирует свое решение тем, что как человеку ему обидны оскорбления, но как император он должен их простить, поэтому и не хочет знать ничего о подобного рода делах.

Прощая своих обидчиков, монарх в глазах населения поднимался как над самим обидчиком, так и над всем народом, демонстрируя благородство и великодушие, не свойственное всем прочим лицам. Причем в данном случае не идет речи о справедливости в каком бы то ни было ее виде. Тут имеет место скорее акт помилования. И миловать может только «добрый» и милосердный государь.

Завершая данную работу, акцентируем внимание на нескольких моментах.

Во-первых, восприятие монарха в качестве «Батюшки-царя» («Матушки-императрицы») требовало от него терпимости к своим «детям». Это касалось и тех случаев, когда «неразумные» подданные наносили оскорбление правителю. Император в общественном сознании воспринимался как человек, стоящий выше личных оскорблений.

Во-вторых, одним из достоинств государя являлась его честность. Однако при этом монарх должен быть снисходителен к воровству своих подданных. Судя по анекдотам, российские императоры XVIII – первой половины XIX в. прекрасно знали про остро стоящую проблему воровства в стране, однако воспринимали ее как проявление особенностей национальной психо-

логии. Борьба же с народом – невозможно и бессмысленно. Такая «слабость» высшей власти осознавалась рассказчиками и слушателями анекдотов, однако ставилась ей скорее в заслугу, нежели характеризовала с негативной стороны.

В заключение цикла из двух статей, посвященного изучению общественного сознания российских подданных XVIII – первой половины XIX в., отметим, что комплекс исторических анекдотов соответствующего времени, дающих возможность выявить некоторые особенности российской ментальности, в целом позволяет характеризовать общественное сознание россиян изучаемого периода как монархическое, в рамках которого сформировался образ «идеального монарха».

Литература

1. Антология юридического анекдота / сост.: В.М. Баранов, П.П. Баранов, В.В. Гриб, В.И. Каныгин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.; Н. Новгород, 2007. – 754 с.
2. Бутковская А.Я. Рассказы бабушки // Исторический вестник. – 1884. – Т. XVIII. – С. 594–631.
3. Вейдемейер А.П. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. В 2 ч. – СПб.: Эйнерлинг, 1846. – Ч. 2. – 765 с.
4. Голиков П.П. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. – М.: Университ. у Ридигера и Клаудия, 1796. – Т. 17. – XIII, 464, [3] с.
5. Исторические анекдоты из жизни русских государей. – СПб.: Тип. М.А. Хана, 1880. – 111 с.
6. Исторические анекдоты из русской жизни. – М.: Захаров, 2004. – 464 с.
7. Кривошлык М.Г. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей (с портретами и краткими биографиями). – М.: Издательско-полиграфическая фирма «АНС-принт» Ассоциации «Новый стиль», 1991. – 144 с.
8. Новое собрание русских анекдотов или прибавление к пяти частям русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою. – М.: Тип. С. Селивановского, 1829. – 243 с.
9. Подлинные анекдоты Императрицы Екатерины Великой. – М.: Вольная типография Гария и Компании, 1806. – 179 с.
10. Рассказы Нартова о Петре Великом. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / обработ. и доп. А.А. Нартова; ред., вступ. статья и примеч. Л.Н. Майкова. – СПб.: Тип. Академии наук, 1891. – 138 с.
11. Черты из жизни Екатерины II (Собрано М.Е. Лобановым) // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1. – С. 66–71.
12. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге, изданные в свет Якобом фон Штелиным, а на российский язык переведенные Карлом Рембовским. – 2-е изд. – М.: Вольная типография Пономарева, 1787. – 592 с.